

Агафья. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://chekhovanton.ru/> Приятного чтения!

Агафья. Антон Павлович Чехов

В бытность мою в С-м уезде мне часто приходилось бывать на дубовских огородах у огородника Саввы Стукача, или попросту Савки. Эти огороды были моим излюбленным местом для так называемой "генеральной" рыбной ловли, когда, уходя из дому, не знаешь дня и часа, в которые вернешься, забираешь с собой все до одной рыболовные снасти и запасешься провизией. Собственно говоря, меня не так занимала рыбная ловля, как безмятежное шатанье, еда не вовремя, беседа с Савкой и продолжительные очные ставки с тихими летними ночами. Савка был парень лет 25, рослый, красивый, здоровый, как кремень. Слыл он за человека рассудительного и толкового, был грамотен, водку пил редко, но как работник этот молодой и сильный человек не стоил и гроша медного. Рядом с силой в его крепких, как веревка, мышцах разливалась тяжелая, непобедимая лень. Жил он, как и все, на деревне, в собственной избе, пользовался наделом, но не пахал, не сеял и никаким ремеслом не занимался. Старуха мать его побиралась под окнами, и сам он жил, как птица небесная: утром не знал, что будет есть в полдень. Не то, чтобы у него не хватало воли, энергии или жалости к матери, а просто так, не чувствовалось охоты к труду и не создалась польза его... От всей фигуры так и веяло безмятежностью, врожденной, почти артистической страстью к житью зря, спустя рукава. Когда же молодое, здоровое тело Савки физиологически потягивало к мышечной работе, то парень ненадолго весь отдавался какой-нибудь свободной, но вздорной профессии вроде точения ни к чему не нужных кольшков или беганья с бабами наперегонку. Самым любимым его положением была сосредоточенная неподвижность. Он был в состоянии простаивать целые часы на одном месте, не шевелясь и глядя в одну точку. Двигался же по вдохновению и то только, когда представлялся случай сделать какое-нибудь быстрое, порывистое движение: ухватить бегущую собаку за хвост, сорвать с бабы платок, перескочить широкую яму. Само собою разумеется, что при такой скупости на движения Савка был гол как сокол и жил хуже всякого бобыля. С течением времени должна была накопиться недоимка, и он, здоровый и молодой, был послан миром на стариковское место, в сторожа и пугало общественных огородов. Как ни смеялись над ним по поводу его преждевременной старости, но он и в ус не дул. Это место, тихое, удобное для неподвижного созерцания, было как раз по его натуре.

Случилось мне быть у этого самого Савки в один из хороших майских вечеров. Помню, я лежал на рваной, затасканной полости почти у самого шалаша, от которого шел густой и душный запах сухих трав. Подложив руки под голову, я глядел вперед себя. У ног моих лежали деревянные вилы. За ними черным пятном резалась в глаза собачонка Савки – Кутька, а не дальше, как сажени на две от Кутьки, земля обрывалась в крутой берег речки. Лежа я не мог видеть реки. Я видел только верхушки лозняка, теснившегося на этом берегу, да извилистый, словно обгрызенный край противоположного берега. Далеко за берегом, на темном бугре, как испуганные молодые куропатки, жались друг к другу избы деревни, в которой жил мой Савка. За бугром догорала вечерняя заря. Осталась одна только бледно-багровая полоска, да и та стала подергиваться мелкими облачками, как уголья пеплом.

Направо от огорода, тихо пошептывая и изредка вздрагивая от невзначай налетавшего ветра, темнела ольховая роща, налево тянулось необозримое поле. Там, где глаз не мог уж отличить в потемках поле от неба, ярко мерцал огонек. Поодаль от меня сидел Савка. Поджав под себя по-турецки ноги и свесив голову, он задумчиво глядел на Кутьку. Наши крючки с живцами давно уже стояли в реке, и нам ничего не оставалось делать, как только предаваться отдыху, который так любил никогда не утомлявшийся и вечно отдыхавший Савка. Заря еще не совсем погасла, а летняя ночь уж охватывала своей нежащей, усыпляющей лаской природу.

Всё замирало в первом, глубоком сне, лишь какая-то не известная мне ночная птица протяжно и лениво произносила в роще длинный членораздельный звук, похожий на фразу: "Ты ни-ки-ту видел?" и тотчас же отвечала сама себе: "Видел! видел!"

- Отчего это нынче соловьи не поют? - спросил я Савку.

Тот медленно повернулся ко мне. Черты лица его были крупны, но ясны, выразительны и мягки, как у женщины. Затем он взглянул своими кроткими, задумчивыми глазами на рощу, на лозняк, медленно вытащил из кармана дудочку,

Агафья. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
вложил ее в рот и запискал соловьиной. И тотчас же, точно в ответ на его писканье, на противоположном берегу задержал коростель.

- Вот вам и соловей... - усмехнулся Савка. - Дерг-дерг! Дерг-дерг! Слово за крючок дергает, а ведь небось тоже думает, что поет.

- Мне нравится эта птица... - сказал я. - Ты знаешь? Во время перелета коростель не летит, а по земле бежит. Перелетает только через реки и моря, а то всё пешком.

- Ишь ты, собака... - пробормотал Савка, поглядев с уважением в сторону кричавшего коростеля.

Зная, каким любителем был Савка послушать, я рассказал ему всё, что знал о коростеле из охотничьих книг. С коростеля я незаметно перешел на перелет. Савка слушал меня внимательно, не мигая глазами, и всё время улыбался от удовольствия.

- А какой край для птиц роднее? - спросил он. - Наш или тамошний?

- Конечно, наш. Тут птица и сама родится, и детей выводит, здесь у нее родина, а туда она летит только затем, чтобы не замерзнуть.

- Любопытно! - потянулся Савка. - Про что ни говори, всё любопытно. Птица таперя, человек ли... камешек ли этот взять - во всем своя умственность!.. Эх, кабы знатье, барин, что вы придете, не велел бы я нынче бабе сюда приходиться... Просилась одна нынче придти...

- Ах, сделай милость, я мешать не стану! - сказал я. - Я могу и в роще лечь...

- Ну, вот еще! Не умерла б, коли завтра пришла... Ежели б она села тут да разговоры слушала, а то ведь только слюни распустил. При ней не поговоришь толком.

- Ты Дарью ждешь? - спросил я, помолчав.

- Нет... Нынче новая просилась... Агафья Стрельчиха...

Савка произнес это своим обычным, бесстрастным, несколько глухим голосом, точно говорил о табаке или каше, я же привскочил от удивления. Стрельчиху Агафью я знал... Это была совсем еще молодая бабенка, лет 19-20, не далее как год тому назад вышедшая замуж за железнодорожного стрелочника, молодого и бравого парня. Жила она на деревне, а муж ходил ночевать к ней с линии каждую ночь.

- Плохим, брат, кончатся все эти твои бабьи истории! - вздохнул я.

- А пусть...

И, немного подумав, Савка прибавил:

- Я говорил бабам, не слушаются... Им, дурам, и горя мало!

Наступило молчание... Потемки, между тем, всё более сгущались, и предметы теряли свои контуры. Полоска за бугром совсем уже потухла, а звезды становились всё ярче, лучистее... Меланхолично-однообразная трескотня кузнечиков, дерганье коростеля и крик перепела не нарушали ночной тишины, а, напротив, придавали ей еще большую монотонность. Казалось, тихо звучали и чаровали слух не птицы, не насекомые, а звезды, глядевшие на нас с неба...

Первый нарушил молчание Савка. Он медленно перевел глаза с черной Кутьки на меня и сказал:

- Вам, барин, я вижу, скучно. Давайте ужинать.

И, не дожидаясь моего согласия, он пополз на животе в шалаш, пошарил там, причем весь шалаш затрепетал, как один лист; потом он пополз назад и поставил передо мной мою водку и черепенную чашку. В чашке были печеные яйца, ржаные лепешки на сале, куски черного хлеба и еще что-то... Мы выпили из кривого, не умевшего стоять стаканчика и принялись за еду... Серая, крупная соль, грязные, сальные

Агафья. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
лепешки, упругие, как резина, яйца, но зато как всё это вкусно!

- Живешь бобылем, а сколько у тебя добра всякого, - сказал я, указывая на чашку.
- Где ты его берешь?

- Бабы носят... - промычал Савка.

- За что же это они тебе носят?

- Так... из жалости...

Не одно только меню, но и одежда Савки носила на себе следы женской "жалости". Так, в этот вечер я заметил на нем новый гарусный поясок и ярко-пунцовую ленточку, на которой висел на грязной шее медный крестик. Я знал о слабости прекрасного пола к Савке и знал, как он неохотно говорил о ней, а потому не продолжал своего допроса. Да и к тому же не время было говорить... Кутька, которая терлась около нас и терпеливо ожидала подачи, вдруг наострила уши и заворчала. Послышался отдаленный, прерывистый плеск воды.

- Кто-то бродом идет... - сказал Савка.

Минуты через три Кутька опять заворчала и издала звук, похожий на кашель.

- Цыц! - крикнул на нее хозяин.

В потемках глухо зазвучали робкие шаги, и из рощи показался силуэт женщины. Я узнал ее, несмотря даже на то, что было темно, - это была Агафья Стрельчиха. Она несмело подошла к нам, остановилась и тяжело перевела дыхание. Запыхалась она не столько от ходьбы, сколько, вероятно, от страха и неприятного чувства, испытываемого всяким при переходе в ночное время через брод. Увидев возле шалаша вместо одного двоих, она слабо вскрикнула и отступила шаг назад.

- А... это ты! - произнес Савка, запихивая в рот лепешку.

- Я... я-с, - забормотала она, роняя на землю узелок с чем-то и косясь на меня.
- Кланялся вам Яков и велел передать... вот тут что-то такое...

- Ну, что врать: Яков! - усмехнулся Савка. - Нечего врать, барин знает, зачем ты пришла! Садись, гостьей будешь.

Агафья покосилась на меня и нерешительно села.

- А уж я думал, что ты не придешь нынче... - сказал Савка после продолжительного молчания. - Что ж сидеть? Ешь! Или нешто дать тебе водочки выпить?

- Выдумал! - проговорила Агафья. - Пьяницу какую нашел...

- А ты выпей... Жарче на душе станет... Ну!

Савка подал Агафье кривой стаканчик. Та медленно выпила водку, не закусила, а только громко дунула.

- Принесла что-то... - продолжал Савка, развязывая узелок и придавая своему голосу снисходительно-шутливый оттенок. - Баба без того не может, чтоб чего не принести. А, пирог и картошка... Хорошо живут! - вздохнул он, поворачиваясь ко мне лицом. - Во всей деревне только у них еще и осталась с зимы картошка!

Впотьмах я не видел лица Агафьи, но, по движению ее плеч и головы, мне казалось, что она не отрывала глаз с лица Савки. Чтобы не быть третьим лицом на свидании, я решил пойти гулять и поднялся. Но в это время в роще неожиданно соловей взял две нижние контральтовые ноты. Через полминуты он пустил высокую, мелкую дробь и, испробовав таким образом свой голос, начал петь. Савка вскочил и прислушался.

- Это вчерашний! - сказал он. - Пстой же!..

И, сорвавшись с места, он бесшумно побежал к роще.

- Ну, на что он тебе сдался? - крикнул я ему вслед. - Оставь!

Савка махнул рукой – не кричите, мол – и исчез в потемках. Когда хотел, Савка был прекрасным и охотником и рыболовом, но и тут его таланты тратились так же попусту, как и сила. Для шаблона он был ленив, а всю свою охотничью страсть отдавал пустым фокусам. Так, соловьев ловил он непременно руками, стрелял бекасинником щук, или стоит, бывало, у реки по целым часам и изо всех сил старается поймать большим крючком маленькую рыбку.

Оставшись со мной, Агафья кашлянула и провела несколько раз по лбу ладонью... От выпитой водки она уж начинала пьянеть.

– Как живешь, Агаша? – спросил я ее после продолжительного молчания, когда уж неловко было молчать.

– Слава богу... Вы же никому не рассказывайте, барин... – прибавила она вдруг шёпотом.

– Ну, полно, – успокоил я ее. – Какая же ты все-таки бесстрашная, Агаша... А если узнает Яков?

– Не узнает...

– Ну, а вдруг!

– Нет... Я раньше его дома буду. Он теперь на линии и воротится, когда почтовый поезд проводит, а отсюда слышно, когда поезд идет...

Агафья еще раз провела рукой по лбу и посмотрела в ту сторону, куда ушел Савка. Соловей пел. Какая-то ночная птица низко пролетела над самой землей и, заметя нас, вздрогнула, зашуршала крыльями и полетела на ту сторону реки.

Скоро соловей умолк, но Савка не возвращался. Агафья встала, беспокойно сделала несколько шагов и опять села.

– Да что же это он? – не выдержала она. – Ведь поезд не завтра придет! Мне сейчас уходить нужно!

– Савка! – крикнул я. – Савка!

Мне не ответило даже эхо. Агафья беспокойно задвигалась и опять встала.

– Мне уходить пора! – проговорила она волнующимся голосом. – Сейчас поезд придет! Я знаю, когда поезда ходят!

Бедная бабенка не ошиблась. Не прошло и четверти часа, как послышался далекий шум.

Агафья остановила долгий взгляд на роще и нетерпеливо зашевелила руками.

– Ну, где же он? – заговорила она, нервно смеясь. – Куда же это его унесла нелегкая? Я уйду! Ей-богу, барин, уйду!

Между тем шум становился всё явственней. Можно уж было отличить стук колес от тяжелых вздохов локомотива. Вот послышался свист, поезд глухо простучал по мосту... еще минута – и всё стихло...

– Пожужу еще минутку... – вздохнула Агафья, решительно садясь. – Так и быть, пожужу!

Наконец в потемках показался Савка. Он бесшумно ступал босыми ногами по рыхлой, огородной земле и что-то тихо мурлыкал.

– Ведь вот счастье, скажи на милость! – весело засмеялся он. – Только что, это самое, значит, подошел к кусту и только что стал рукой целиться, а он и замолчал! Ах ты, пес лысый! Ждал, ждал, покуда опять запоет, да так и плюнул...

Савка неуклюже повалился на землю около Агафьи и, чтобы сохранить равновесие, ухватился обеими руками за ее талию.

- А ты что насупилась, словно тетка тебя родила? - спросил он.

При всем своем мягкосердечии и простодушии Савка презирал женщин. Он обходился с ними небрежно, свысока и даже унижался до презрительного смеха над их чувством к его же собственной особе. Бог знает, быть может, это небрежное, презрительное обращение и было одной из причин его сильного, неотразимого обаяния на деревенских дульциней. Он был красив и строен, в глазах его всегда, даже при взгляде на презираемых им женщин, светилась тихая ласковость, но одними внешними качествами не объяснишь этого обаяния. Кроме счастливой наружности и своеобразной манеры обращения, надо думать, имела влияние на женщин также еще и трогательная роль Савки как всеми признанного неудачника и несчастного изгнанника из родной избы в огороды.

- А расскажи-ка барину, зачем ты сюда пришла! - продолжал Савка, всё еще держа Агафью за талию. - Ну-ка, расскажи, мужнина жена! Хо-хо... Нешто нам, брат Агаша, еще водочки выпить?

Я поднялся и, пробираясь между грядками, пошел вдоль огорода. Темные грядки глядели, как большие приплюснутые могилы. От них веяло запахом вскопанной земли и нежной сыростью растений, начавших покрываться росой... Налево всё еще светился красный огонек. Он приветливо моргал и, казалось, улыбался. Я услышал счастливый смех. То смеялась Агафья. "А поезд? вспомнил я. - Поезд давно уже пришел". Подождав немного, я вернулся к шалашу. Савка сидел неподвижно по-турецки и тихо, чуть слышно, мурлыкал какую-то песню, состоящую из одних только односложных слов, что-то вроде: "фу ты, ну ты... я да ты..." Агафья, опьяненная водкой, презрительной лаской Савки и духотой ночи, лежала возле него на земле и судорожно прижималась лицом к его колену. Она так далеко ушла в чувство, что и не заметила моего прихода.

- Агаша, а ведь поезд давно уж пришел! - сказал я.

- Пора, пора тебе, - подхватил мою мысль Савка, встряхивая головой. Что разлеглась тут? Ты, бесстыжая!

Агафья встrepенулась, отняла голову от его колена, взглянула на меня и опять припала к нему.

- Давно уж пора! - сказал я.

Агафья заворочалась и привстала на одно колено... Она страдала... Полминуты вся ее фигура, насколько я мог разглядеть сквозь потемки, выражала борьбу и колебание. Было мгновение, когда она, будто очнувшись, вытянула корпус, чтобы подняться на ноги, но тут какая-то непобедимая и неумолимая сила толкнула ее по всему телу, и она припала к Савке.

- А ну его! - сказала она с диким, грудным смехом, и в этом смехе слышалась безрассудная решимость, бессилие, боль.

Я тихо побрел в рощу, а оттуда спустился к реке, где стояли наши рыболовные снасти. Река спала. Какой-то мягкий, махровый цветок на высоком стебле нежно коснулся моей щеки, как ребенок, который хочет дать понять, что не спит. От нечего делать я нащупал одну леску и потянул ее. Она слабо напряглась и повисла, - ничего не поймалось... Того берега и деревни не было видно. В одной избе мелькнул огонек, но скоро погас. Я пошарил на берегу, нашел выемку, которую приглядел еще днем, и уселся в ней, как в кресле. Долго я сидел... Я видел, как звезды стали туманиться и терять свою лучистость, как легким вздохом пронеслась по земле прохлада и тронула листья просыпавшихся ив...

- А-га-фья!.. - донесся из деревни чей-то глухой голос. - Агафья!

То вернувшийся и встревоженный муж искал по деревне свою жену. А с огородов слышался в это время несдерживаемый смех: жена забылась, опьянела и счастьем нескольких часов старалась наверстать ожидавшую ее назавтра муку.

Я уснул.

Когда я проснулся, около меня сидел Савка и слегка тряс мое плечо. Река, роща,
Страница 5

Агафья. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

оба берега, зеленые и умытые, деревня и поле – всё было залито ярким утренним светом. Сквозь тонкие стволы деревьев били в мою спину лучи только что взошедшего солнца.

– Так-то вы рыбу ловите? – усмехнулся Савка. – Ну, вставайте!

Я встал, сладко потянулся, и проснувшаяся грудь моя начала жадно пить влажный, душистый воздух.

– Агаша ушла? – спросил я.

– Вон она, – указал мне Савка в сторону, где был брод.

Я взглянул и увидел Агафью. Приподняв платье, растрепанная, со сползшим с головы платком, она переходила реку. Ноги ее ступали еле-еле...

– Знает кошка, чье мясо съела! – бормотал Савка, щуря на нее глаза. Идет и хвост поджала... Шкодливы эти бабы, как кошки, трусливы – как зайцы... Не ушла, дура, вчера, когда говорили ей! Теперь ей достанется, да и меня в волости... опять за баб драть будут...

Агафья ступила на берег и пошла по полю к деревне. Сначала она шагала довольно смело, но скоро волнение и страх взяли свое: она пугливо обернулась, остановилась и перевела дух.

– То-то, что страшно! – грустно усмехнулся Савка, глядя на ярко-зеленую полосу, которая тянулась по росистой траве вслед за Агафьей. Не хочется идти! Муж-то уж целый час стоит и поджидает... Видали его?

Савка сказал последние слова улыбаясь, а у меня похолодело под сердцем. В деревне, около крайней избы, на дороге, стоял Яков и в упор глядел на возвращающуюся к нему жену. Он не шевелился и был неподвижен, как столб. Что он думал, глядя на нее? Какие слова готовил для встречи? Агафья постояла немного, еще раз оглянулась, точно ожидая от нас помощи, и пошла. Никогда я еще не видал такой походки ни у пьяных, ни у трезвых. Агафью будто корчило от взгляда мужа. Она шла то зигзагами, то топталась на одном месте, подгибая колени и разводя руками, то пятилась назад. Пройдя шагов сто, она оглянулась еще раз и села.

– Ты бы хоть за куст спрятался... – сказал я Савке. – Неравно тебя муж увидит...

– Он и без того знает, от кого это Агашка идет... На огород по ночам бабы не за капустой ходят – всем известно.

Я взглянул на лицо Савки. Оно было бледно и морщилось безглаголющей жалостью, какая бывает у людей, когда они видят мучимых животных.

– Кошке смех, мышке слезы... – вздохнул он.

Агафья вдруг вскочила, мотнула головой и смелой походкой направилась к мужу. Она, видимо, собралась с силами и решилась.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://chekhovanton.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!